

УДК 811.161.3'42(045)

М.А. Гладко

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В БЕЛОРУССКОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу языковых способов реализации эмоциональной аргументации в белорусском судебном дискурсе. Эмоциональное воздействие на аудиторию является существенным компонентом убеждения в дискурсивной практике адвокатской судебной речи. Аргументация обязательно имеет две стороны: показ истинности тезиса и создание эмоционального отношения к нему, когда слушатель верит в правильность сказанного и воспринимает его как руководство к действию. Анализ белорусских судебных речей обнаруживает преобладающее в них количество апелляций к разнообразным отрицательным эмоциям с целью оправдания подсудимого. Эмоциональные апелляции осуществляются в рамках повествовательных аргументативных последовательностей, что способствует их наглядности, «зримости», формированию эмпатии аудитории. Ожидается, что, «прожив» фрагмент жизни обвиняемого, судьи будут более снисходительны в своем вердикте. Для «заражения» адресата эмоциями используются разные лексические средства: эмотивы-номинативы, нейтральная и эмоционально-экспрессивная лексика. Однако частотность использования данных языковых единиц определяется интенцией судебного оратора: создание иллюзии рационального обоснования тезиса. Эмоциональное воздействие также осуществляется на основе культурно-специфичных языковых элементов.

Белорусские судебные ораторы часто апеллируют к таким отрицательным эмоциям, как страх и гнев. Как показал анализ исследуемых белорусских судебных речей, основным средством вызова отрицательных эмоций в них является насыщение аргументов нейтральной лексикой с глубинными эмсемами. В контексте «дифференцирующая сема слова уходит на второй план, а в семантический фокус вводится и актуализируется эмсема» [1, с. 168]: *работать, оружие, пьянство, лгать* и т.д. Эмоционально окрашенная лексика репрезентирует подтекстовый эмоционально-оценочный смысл: неодобрение, презрение, страх, гнев. Она выражает отношение адресанта к предмету речи и формирует отношение адресата посредством заражения его определенным эмоциональным состоянием. Эмоция страха «наводится» на адресата также через дескриптивную лексику, с помощью которой можно дать и зрительную, и звуковую, и осязательную характеристики предмета. Дескриптивные слова образительны, стимулируют зрительные впечатления, поэтому В.Г. Гак называет их «живописными словами», изображающими элементы объективной реальности конкретно, выпукло, выразительно [2, с.108].

Апелляции к страху в белорусских судебных речах (далее – БСР) осуществляются в рамках аргумента к составу. Ораторы, описывая сцену преступления, стремятся создать «зримую», яркую картину произошедших событий, приведших к совершению преступления. Для более сильного прагматического воздействия события представляются таким образом, чтобы адресат почувствовал себя очевидцем произошедшего, сам смог ощутить те эмоции, которые испытывал описываемый оратором человек. Тем самым оратор создает общий эмоциональный фон, заставляя слушателей сопереживать.

Анализ материала обнаружил, что лексическую основу аргумента составляет дескриптивная лексика с перцептивными значениями, «которыми обозначается все, что может стать объектом сенсорного восприятия» [3, с. 491]. С дескриптивной перцептивной лексикой связано четкое, яркое и наглядное представление, с ее помощью картина событий рисуется как очередность стоп-кадров, на которых адресат может хорошо «рассмотреть» и прочувствовать происходящее. Более того, чувственное восприятие непосредственно связано с ментальными операциями, такими, как интерпретация, из-

влечение импликаций. В результате воспринимаемая адресатом информация им анализируется и не нуждается в дальнейшем доказательстве.

Приведем пример. Судебный оратор пытается воссоздать события, заставившие подсудимую совершить убийство. Помимо описания произошедших действий, оратор фокусирует высказывание на передаче эмоционального фона происходивших событий и тем самым вводит передаваемую информацию в сферу адресата, заставляя его переживать те же ощущения, что и подсудимая, создавая эффект сопричастия: *Солей В.П. “взбесился” и пошел на жену со звериным лицом и с угрозами “зарезу” потянулся рукой за ножом... Горбач прощалась с жизнью. Говорить она не могла: лезвие ножа сдавливало ей горло* [4, с. 32].

Для введения адресата в состояние переживания страха перед физическим насилием, страха смерти, оратор использует лексику, обозначающую различные параметры «созерцаемого пространства»: осязание: *сдавливало (лезвие ножа)*, зрение: *со звериным лицом*, дескриптивную лексику движения, которая также воспринимается посредством зрения: *пошел, потянулся рукой*. Так, переживая различными способами восприятия состояние подсудимой, адресат может лучше понять, что заставило женщину взять нож и убить человека. Оратор также намеренно использует глаголы, обозначающие «ситуацию, протяженную во времени» [5, с. 206]: *сдавливало, прощалась, потянулся*, с помощью которых он как бы замедляет действие, давая возможность аудитории хорошо их разглядеть, прочувствовать, представить последствия данных действий, объясняющие причину, по которой подсудимая вынуждена была лишиться жизни человека.

Контрастируя с глаголами, указывающими на состояние ужаса, страха, которыми акцентируется протяженность действия, используются глаголы с акцентом на результате, описывающие действия как неизбежные, которые невозможно остановить, следовательно, действия, представляющие реальную угрозу смерти для жертвы: *Она стояла и плакала. Он не остановился, не прекратил попытки завладеть ножом. Он прижал жену к столу, схватил нож и лезвие ножа прижал к ее горлу* [4, с. 76]. Такой контраст заставляет адресата почти реально ощутить смертельную угрозу.

Прагматическое воздействие апелляций к страху осуществляется за счет использования эмотивов-стимулов, которые представляют описываемые события как стимулы, которые вызвали определенную реакцию (совершение убийства подсудимым). Эмоционально окрашенная лексика (эмотивная – по В.И. Шаховскому) способствует более яркому и эмоционально насыщенному описанию событий или человека. Эмоции и эмоциональные отношения к событиям и/или участникам, передаваемые данной лексикой, связаны со стремлением передать их адресату, заразить определенным эмоциональным состоянием и ощущениями и желанием наказать человека, представляющего угрозу жизни – одной из высших ценностей человечества.

Эмотивами-стимулами в БСР являются существительные насилия и уничтожения, содержащие сему «смерть» или «угроза» (20,8%): *убийство, оружие, опасность, угрозы, лезвие ножа: Когда он ...пытался взять нож со стола, создалась крайне опасная обстановка* [4, с. 32]. Существительные служат для выражения сущности угрозы, объектов или предметов реальности, способных уничтожить человека. Единственной защитой против данных объектов смерти может быть защита, что и пытаются доказать адвокаты в судебных речах.

Однако при апелляции к страху преобладают глаголы (43,7%) с отрицательно заряженными семами «уничтожение», «избиение». Объяснение высокой частотности глаголов заключается в том, что они направлены прежде всего на представление информации о событиях, фактах, т.е. более объективную презентацию сведений по сравнению с прилагательными и существительными, для которых наиболее характерно обладание или актуализация эмоционального компонента, что связано с их категориаль-

ной сущностью (атрибутивностью). Глаголы составляют опорные точки повествовательных аргументативных последовательностей, передающие основную информацию, создают впечатление динамичности и изобразительности, тем самым придают натурализм повествованию. Так, например, глаголы составляют семантическую основу аргумента в пользу подсудимого. Они нанизываются в цепочки, с помощью чего нагнетается атмосфера ужаса, безвыходности положения. Тем самым оратор заставляет аудиторию испытать эмоцию страха, пережитого подсудимым. Эмоциональное воздействие, кроме того, усиливается окружающим контекстом: существительными с семой «насилие» *опасность, удары*: *Перед уходом он добавил, что убьет ее... Она почувствовала опасность и пыталась убежать. Он догнал ее, схватил за волосы и стал наносить удары... Он оскорблял, унижал ее... Он зверски избивал жену, угрожал ей ножом.* [4, с. 128].

Помимо эмоционально-оценочного описания событий, ораторы также апеллируют к страху посредством лексики, осуществляющей «процесс номинации вовнутрь» [6, с. 53], при помощи которой происходит передача эмоционального состояния человека-жертвы. Как показывают результаты анализа материала, экспликаторами страха в данных случаях являются лексические единицы с семой «неподвижность тела, отсутствие движения». Движение – это нормальное состояние человека, проявление его жизнедеятельности, отсутствие движения – это знак беды [6, с. 45]. Для передачи эмотивно-причинного смысла «отсутствие движения» в БСР используются глаголы, которые манифестируют реакцию человека на ситуацию и эмоцию-раздражитель – страх: глаголы с семой «неподвижность»: *оставалась (на месте), стояла, оцепенел, окаменел* либо комбинация глаголов с отрицанием, выражающая парализующее влияние на человека потрясений: *не сопротивлялась, не защищался, не могла*: *Она не могла ни говорить, ни сопротивляться. Стояла и плакала... Она оставалась на том же месте* [4, с. 34].

«Парализованность» всех способностей человека получает отражение в семантике слов, отображающих отсутствие или невозможность речевой деятельности. Так, в примере оратор акцентирует неспособность подсудимой произнести и слово при помощи сочетания модального глагола, акцентирующего неспособность, с глаголом говорения, указывающим на усилия, прилагаемые для произнесения слов, *вымолвить – произнести, сказать (обычно кратко или с усилием)*, которое интенсифицируется союзом *и*, выполняющим функцию усиления: *Она только и смогла вымолвить: «Володя, за что?»* [4, с. 28]. Посредством передачи эмоционального состояния жертвы, ораторами осуществляется прием «заражение эмоциями», когда адресат не только сам «видит» события через перцептивную лексику, но и может «увидеть» состояние человека, что вызывает понимание и снисхождение к человеку, вынужденному защищаться в ситуации угрозы своей жизни.

Апелляция к страху осуществляется при описании эмоционального состояния человека, представляющего угрозу. Сигналами опасности, ведущей к смерти, являются также прилагательные эмоциональной оценки с семой «жестокий», описывающие действия угрожающего человека как несущие смерть: *зловещий, агрессивный, жестокий*: *Она хорошо знала жестокость мужа. На этот раз он был особенно агрессивен и жесток* [4, с. 29]. Воссоздание смертельной ситуации осуществляется посредством звуковых и зрительных характеристик, выражаемых преимущественно глаголами, акцентирующими наличие определенного действия. Глаголы в данных случаях выполняют усилительную функцию – экспрессивно окрашенные, они «выражают более высокую степень качества действия» [7, с. 33]: *Он побагровел, его лицо налилось кровью, глаза засверкали злобой, он подбежал к отцу. Начал оскорблять его нецензурной бранью, кричать, а затем стал наносить ему удары по голове* [4, с. 125]. Эмотивный смысл аргумента, выражаемый глаголами эмоционального состояния с семой «ярость»,

усиливается существительными физического насилия *удары*, эмоционального состояния – *злой*, а также существительным, указывающим на нависшую угрозу смерти – *кровь*.

С помощью оценочно-экспрессивных прилагательных, содержащих сему «смерть» или «зло», оратор как бы «наводит» эмоцию страха на адресата, описывая действия человека и события как причины смерти: *трагический, неосторожный, страшный, злоедающий*: *Даже самое неосторожное движение пьяного человека, который с большой силой лезвием ножа давит на горло, могло привести к трагическим последствиям* [4, с.29]. Однако прилагательные обладают наименьшей активностью для «заражения» эмоцией страха в белорусских судебных речах – 14%. Подавляющее большинство из них – это прилагательные эмоциональной оценки *страшный, злобный*, которые облегчают создание эмоционального отношения, наполняют аргумент отрицательно заряженным эмотивным смыслом.

Культурно-специфичным можно считать использование при апелляции к страху в белорусских судебных речах лексики, называющей признаки животных. Данная лексика, выраженная прилагательными и глаголами с явной негативной коннотацией: *зверский, звериный* (значение которых – *жестокый, свирепый, дикий*), *взбеситься*, символизирует жестокость, бесчеловечность и призвана пробудить чувство страха за жизнь, здоровье – лексемы, отражающие наиболее значимые для белорусской аудитории культурные ценности – ценности биологического выживания: *Однако он продолжал стоять рядом и через несколько секунд взбесился и со “звериным лицом”, высказывая угрозы убийства, снова пытается взять только что брошенный нож* [4, с. 33].

Апелляция к гневу в БСР является наиболее распространенной апелляцией к отрицательным эмоциям (13%). Она осуществляется в рамках аргументов к обстоятельствам, составу, к лицу. Апеллируя к гневу, судебные ораторы конструируют образ человека, наполненный негативными коннотациями. Описывая действия и поступки человека как бесчеловечные, аморальные, противозаконные, оратор акцентирует внимание на лексике, выражающей поступки, качества и свойства человека, которые обычно получают эмотивно-негативную оценку, осуждаются обществом с нравственной и моральной точек зрения. Тем самым ораторами оказывается воздействие на социальное «я» адресата – на восприятие действий другого человека как соответствующих или несоответствующих нормам общества.

В создании негативного образа, посредством которого осуществляется апелляция к гневу, наиболее распространенным языковым средством является лексика с эмосемами полюса негативности. Это эмоционально-оценочная лексика, описывающая действия, поступки и поведение человека, а также его морально-этические качества. Среди лексики, с помощью которой осуществляется апелляция к гневу, наиболее распространенными являются глаголы – 61%. Наибольшей частотностью обладает семантическая группа глаголов с эмосемой «презрение» (презрение является последствием гнева). Глаголы данной группы призваны пробудить презрение к беспринципному, аморальному поведению (в результате презрение, возникающее у адресата, может оказать влияние на вынесение нужного оратору решения). Это группа интерпретационных глаголов: *раздобыл, изворачиваться, не гнушаться, унижаться*. При апелляции к гневу глаголы выполняют функцию субъективно-эмоциональной оценки, т.е. оратор имплицитно дает оценку и выражает отношение к описываемому человеку, навязывая его адресату. Например, глаголы *изворачиваться, лгать, препятствовать* содержат отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию «осудительно»: *Иногда... он вот-вот готов покаяться, но, вероятно, инстинкт самосохранения заставляет его изворачиваться, лгать суду, препятствовать поиску истины* [4, с. 41].

Характерной особенностью является использование глаголов несовершенного вида с отрицательными оценочными коннотациями, обозначающих действия, протя-

женные во времени. Тем самым оратор акцентирует постоянность, непрерывность действий, что способствует созданию более сильной эмоциональной реакции адресата: *Он не останавливался ни перед чем: устраивал дома пьяные оргии, заставлял мать прислуживать и выполнять любые его прихоти, в присутствии своих друзей-собутельников унижал и оскорблял родителей* [4, с. 130–131].

Сигналами отрицательно заряженной эмотивности также являются глаголы и существительные с семами «насилие», «страдание», которые обозначают физическое насилие и боль. Чаще всего это отглагольные существительные, акцентирующие действия: *оскорбление, избивение, страдание, бил, унижал*. Используемые в БСР существительные и глаголы с семой «физическое насилие» перцептивны, они обозначают различные объекты модуса восприятия: слух: *стоны, просьбы*, осязание: *избивение, избивал*, слух: *оскорблял, угрожал, оскорбления*. Так, оратор вводит описываемую ситуацию в микромир адресата, заставляя прочувствовать ее через перцептивную лексику, и, таким образом, формирует ответную эмоциональную реакцию – презрение к человеку, несущего страдание и боль.

Экспликаторами апелляции к гневу в БСР являются существительные негативного оценочного полюса с эмосемой «неодобрение», дающие отрицательную морально-этическую оценку привычкам, стилю жизни описываемого человека. Количество зарегистрированных существительных для заражения эмоцией гнева в БСР составляет 26,2 %. Гнев вызывается путем указания на категории, несущие негативную коннотацию для любой культуры: *оргии, самоуправство, самодозволенность* и культурно-специфичные для белорусов, в частности *быстрое обогащение* (быстро разбогатевший человек воспринимается как человек, который зарабатывает нечестным, нелегальным путем, способный на все ради наживы). Отрицательный эмотивный смысл усиливается, как правило, прилагательными качества: *Роковым была его встреча с Ковалевым – человеком самоуверенным, стремящимся к быстрому обогащению, несмотря ни на какие преграды* [4, с. 39].

Как показывают результаты исследования, апелляция к гневу в белорусских судебных речах может осуществляться посредством лексики с положительным значением, которая погружается в отрицательный контекст, где на фоне контраста проявляет отрицательный эмотивный смысл и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию – гнев. Например, глагол *наслаждаться* имеет значение «испытать удовольствие». В аргументе адвоката он получает ярко выраженный негативный смысл, контрастируя с лексикой страдания, боли и насилия: *стоны, крики, был насильно заточен*, в результате чего аргументу придается больший эмоциональный накал: *Невзирая на стоны и крики Ровина, раздающиеся из деревенского дома в Мостовлянах, куда он был насильно заточен Трофимовым, Кларсон наслаждался белорусским пейзажем и чтением некой книжицы...* [4, с. 40]. Негативный эмотивный смысл глагола наиболее полно раскрывается в сочетании с презрительным выражением *некой книжицы*, явно показывающим неодобрительное мнение адресанта, которое формирует негативное отношение адресата.

Маркером апелляции к гневу в белорусских судебных речах является амбивалентная лексика (лексика, которая может быть и положительной, и отрицательной [1, с. 107]), сигнализирующая о неодобрительном, презрительном отношении оратора, которое раскрывается в контексте: *сыночек, молодица*. Например, отрицательная эмосема «гнев» слова *сын* создается эмоционально заряженным окружающим контекстом и только в контексте осмысливается как несущее отрицательный заряд: *Не брезговал сынок и сексуальными извращениями* [4, с. 131]. Такое использование лексики ярче оттеняет негативную характеристику человека, придает большую экспрессивность аргументу и заставляет аудиторию испытать эмоцию гнева к описываемому человеку. Гнев призвана

вызвать имплицитруемая идея аргумента – несоответствие поведения человека общественным нормам, нормам морали и нравственности.

Прилагательные составляют наименьшую долю по частотности использования в качестве маркера апелляции к гневу – 11,5%. Это снова связано с тем, что они являются наиболее явным манипулятивным языковым средством. Как отмечает Т.М. Николаева, строгость употребления прилагательных является ведущим показателем различия языка упрощенного и интеллектуального [8, с. 388]. Учитывая специфику целевой аудитории, в белорусских судебных речах ораторы пытаются убеждать языком интеллектуальным, подавать информацию как достоверную, истинную, для чего используются фактообразующие слова, представленные глаголами. Тем не менее, прилагательные служат «вехами», облегчающими восприятие человека и формирующими отношение адресата к нему.

Определения, выраженные прилагательными с негативной оценкой, сообщают адресату характеристики человека, дополняющие и усиливающие характеристики, передаваемые существительными и глаголами, что в целом создает полный, явно отрицательный образ человека, вызывающий у адресата презрение. Для этого используются прилагательные качества с семой «жестокий», указывающие на эмоционально воспринимаемые признаки: *агрессивный, жестокий. Приезжая в деревню, он придумывал все новые способы издевательств над отцом и матерью, еще более изощренные и жестокие* [4, с. 131]. *Он был злобный, жестокий, агрессивный* [4, с. 55]. Прилагательные отражают эксплицитрованную оценку оратора, которая в целях смыслового выделения подается в постпозиции, задают определенный настрой, заставляют относиться к описываемому человеку в нужном оратору ключе.

Эмоция гнева, к которой апеллируют судебные ораторы, выполняет аксиологическую функцию – создает образ человека, отрицательно оцениваемого аргументатором и адресатом.

Для акцентирования содержания аргумента и передачи и/или вызова определенной эмоции лексика, эксплицитрующая данную эмоцию, в рамках одной эмоциональной апелляции группируется пучками, сливающимися в сознании и заставляющими адресата «думать» эмоциями; логика в этом случае уходит на более отдаленный план. Как показал анализ, в аргументах, содержащих эмоциональные апелляции, наблюдается высокая степень плотности языковых эмотивов или лексики (не-эмотивов), создающей эмотивный смысл. Это сгущение способствует наибольшей эмоциональной напряженности, «говорит о большом заряде эмотивной прагматики» [1, с. 151] аргумента. Экспрессивные контексты – «всплески» – фиксируют в концентрированном виде и выражают в наиболее яркой форме эмоционально-оценочные значения [6, с.126]. Таким образом, подобные аргументы обладают сильной прагматической направленностью. Адресат погружается в языковую среду, создающую определенное (отрицательное или положительное) эмоциональное состояние, которое облегчает реализацию интенции судебного оратора.

Анализ материала позволил обнаружить, что эмоциональное сгущение также образуется на основе особого объединения эмоционально-оценочной лексики – дуплетах и триплетях.

Распространенным приемом в БССР является использование двух прилагательных (глаголов, существительных), образующих однородный ряд, – дуплеты или трех прилагательных (глаголов, существительных) – триплеты. Наибольшей активностью обладают триплеты (69%), которые по способу выражения определенных черт описываемого объекта можно разделить на триплеты качества и триплеты действий. Триплеты качества формируются цепочкой прилагательных и существительных, дающих характеристику поведения, поступков, качеств человека: *Он был злобен, агрессивен,*

жесток [4, с. 149]. Триплеты действий образуются рядом глаголов, указывающих на действия человека: *На просьбы и уговоры он реагировал болезненно, оскорблял и унижал ее* [4, с. 28]. Триплеты выполняют функцию усиления, способствуют более точной передаче информации, указывая на различные оттенки эмоционально-оценочного смысла. Они имеют ключевую значимость для создания эмотивного смысла и концентрируют на нем внимание адресата, ориентируя на восприятие эмотивно-оценочного содержания аргумента определенной (негативной) тональности.

Как показал исследуемый материал, в рамках одного аргумента могут использоваться несколько рядов триплетов и дуплетов: *Сын Михаил с детских лет причинял родителям только (1) беспокойство и неприятности. (2) Ни любви, ни должного уважения и почитания отца и матери с его стороны не наблюдалось. В поведении Михаила по отношению к домочадцам всегда проявлялись лишь (3) злоба, агрессивность, жестокость* [4, с. 130]. Благодаря такому сгущению однородных семантических рядов осуществляется актуализация определенного эмоционального компонента – неодобрения, который становится доминирующим и оказывает более сильное эмоциональное воздействие на аудиторию, вызывая гнев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаховский, В. Н. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. Н. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 480 с.
2. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.
3. Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс / В. П. Москвин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 630 с.
4. Хвесеня, М. И. Судебные речи по уголовным и гражданским делам / М. И. Хвесеня. – Минск : ОДО Равноденствие, 2005. – 182 с.
5. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
6. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989. – 482 с.
7. Романовская, Н. В. Стилистические функции экспрессивно окрашенных глаголов в газетном стиле / Н. В. Романовская // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Горького. – М., 1973. – Вып. 74 : Вопросы романо-германской филологии. – С. 26–34.
8. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 680 с.

Gladko M.A. The verbalization of negative emotions in Belarus I an court discourse

This article deals with peculiarities of language expression of emotional appeals in belarussian courtroom discourse. Among the wide range of emotions which the speaker appeals to, the present article focuses on the most spread ones: fear and anger. Persuasion in counsel's statements is based on various lexical units which contribute to the most successful and powerful influence.